

Эльхам Камрани, Н.С. Касюк (Минск, БГУ)

**ЭМОТИВНОСТЬ И ПЕРЕВОД: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ
ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ О. ХАЙЯМА)**

Доклад посвящен исследованию особенностей перевода имплицитного выражения эмоций (на материале рубаи О. Хайяма). Спектр эмоций многомерен, а следовательно, обширен и арсенал языковых средств разных уровней, их эксплицирующих. Однако эмоции в речи могут не только выражаться непосредственно, «прямо», но и имплицироваться, или выражаться в сложной иносказательной форме, в виде подтекстовой информации, что часто имеет место в художественном и в большей мере поэтическом тексте. В свя-

зи с этим в лирике для выражения эмоций и эмоциональных состояний большую роль играет форма, а не только содержание.

Эмоциональность и воздействие на эмоциональную сферу, субъективность, ориентация на мир идей и чувств — отличительные черты художественного текста. «Затрагивая область нерационального восприятия, эмотивность текста направлена в первую очередь на то, чтобы вызвать у реципиента определенную эмоциональную реакцию, психологический резонанс и посредством чувственного сообщения предоставить ему более яркую, отчетливую картину рациональной стороны художественного произведения, преподнести концептуальный, идеологический, эстетический замысел автора в живой и ограниченной форме» [2, с. 184–185].

Изучение категории эмотивности и единиц, используемых для ее языкового воплощения, является важным и необходимым для осознания идейного смысла художественного текста. Актуально и изучение категории эмотивности в практическом аспекте: в работе с текстом при его интерпретации на другой язык.

Перевод произведений художественной литературы всегда считался одним из самых сложных, наиболее подверженных «потерям» видов переводческой деятельности. Переводчик должен удовлетворить большое число требований, чтобы создать текст, максимально полно представляющий оригинал в иноязычной культуре. В силу своей специфичности перевод поэзии — это процесс, вызывающий ряд трудностей и проблем, таких как сохранение индивидуальности авторского стиля и национального своеобразия, духа и времени произведения с помощью средств оформления. К таким трудностям относится и передача эмотивности произведения.

Для того, чтобы переводной текст в сознании его пользователей был равен оригиналу, личность посредника, т. е. переводчика, не должна отражаться на продукте его деятельности. В реальности текст перевода никогда не равен исходному тексту, при прохождении оригинального произведения через призму мировосприятия переводчика он неизбежно претерпевает ряд изменений на разных этапах процесса создания перевода: 1) часть материала не воссоздается и отбрасывается; 2) часть материала дается не в собственном виде, а в виде разного рода замен / эквивалентов; 3) привносится такой материал, которого нет в подлиннике [2, с. 184].

Проанализированные русскоязычные переводы рубаи О. Хайяма, выполненные В. Державиным, Р.М. Алиевым, М.-Н.О. Османовым, представленные в двуязычном издании [1], можно разделить на 2 группы.

Переводчики стремятся максимально точно передать содержание текстов О. Хайяма (на уровне лексики), в результате чего отмечается асимметрия формы: отсутствие ритма, рифмы, нивелирование изобразительно-выразительных средств и приемов разных уровней, имеющих место в оригинальном тексте, и, как следствие, искажение эмоционального фона произведения. Приведем пример:

گَر شِهْرَه شَوِي بِه شِهْر شَرِ الْاِنَاسِي
وَر گَو شَه نَشْدِين شَوِي هِه و سَوَاسِي
اَن بِه كِه اَگَر خَضِر اَگَر الْاِنَاسِي
كَس نَشْدَا سَدَتَّ و رَا تَو كَس نَشْدَا سِي

Если прославишься ты в городе, — станешь
[мишенью] людской злобы.

А если уединишься в келье, — [станешь
источником] подозрений.

Лучше, если даже ты Хидр или Илйас,
Чтобы тебя никто не знал, и ты никого не знал. [1, с. 45]

При переводе меняются ритм, интонация стихотворения, утрачиваются элементы звукописи. В оригинале используются изобразительные возможности фонетики — аллитерация □/□ — с/и. Данный прием позволяет сымитировать тишину уединения, на фоне которой слышны мельчайшие звуки, отдаленный шум города.

Подобную звуковую экспрессию можно отметить и в следующем примере:

ماي يم و مي و مطرب و اين كنج خراب
جان و دل و جام و جامه ، ي ر درد شراب
ف ا ر خ ز ام يد رحمت و ب يم عذاب
آزاد ز خلك و ب لاد و از آتش و آب

Я с вином и возлюбленной позабыл и нужду, и труды,
Я не жду милосердия, до судилища нет мне нужды.

Отдал душу и сердце, и одежду в залог за вино, —
Я свободен от воздуха, от земли, и огня, и воды. [1, с. 117]

Ассонанс $\text{آ} / \text{ای} / \text{ا}$ — o/a/u, придающий мелодичность и напевность четверостишию, которые, в свою очередь, воссоздают ощущение беззаботности и беспечности, отсутствует в переводе, в то же время на уровне лексики отмечается практически полное соответствие оригиналу, перевод почти дословный.

2. Переводчики отдают предпочтение форме, отступая от точной передачи содержания. В результате переводческой трансформации привносятся новые художественные элементы и утрачиваются аутентичные: ирония, метафора, игра слов, устойчивые выражения. Например:

هو نيك و بدی كه در نهاد ب شر است
ه در قضا و قدر استك شادی و غمی
ب ا چرخ مكن حواله كه اندر ره عقل
چرخ از ن و هزار ب لار ب بچاره ن ر است

(а) Все: и зло, и добро, что людская скрывает природа,
Высшей воле подвластно, и здесь не дана нам свобода.

Ты вину своих бедствий не сваливай на небосвод,
В сто раз хуже, чем твой, подневольный удел небосвода. [1, с.122]

В русскоязычном варианте рубаи (а) отсутствует оригинальное противопоставление радости и печали (вторая строка); для создания контраста переводчик вводит собственную антитезу — и зло, и добро...

В примере (б) переводчику удается передать ироничное настроение героя — он также использует парадокс (все сущее в мире не существует; все, чего нет в мире, — есть).

جز باده به دست هستن هر چه ن ب است چون
ن قصان و شكست هستن هر چه هست چون
ن ب است در عالم هست ان گار كه هر چه
هستدر عالم ن ب استدار كه هر چه ب ن

(б) Поскольку от всего сущего останется в руках только ветер,
Поскольку все сущее обречено на распад и уничтожение,
Считай, что все сущее в мире не существует,

Думай, что все, чего нет в мире, — есть. [1, с. 13]

Однако в оригинале глаголы *يست-يخشع* *существовать / не существовать* повторяются 8 раз. Эти дистантные повторы-противопоставления используются для того, чтобы передать сомнение, колебание лирического героя. В переводе же четырежды используются однокоренные слова с корнем *суц-* и 1 раз синоним *есть*.

В плане интерпретации «труднопереводимых» элементов также заслуживают внимания следующие примеры.

داو چه يلم به شراب ناب باشد
گوشم به نبي و رباب باشد داو م
که وزه گران که وزه که زند خاک مرا گ ر
آن که وزه پر از شراب باشد داو م
*Жаждой вина огневого душа моя вечно полна.
Слуху потребны напевы флейт и рубаба струна.
Пусть после смерти кувшином я стану на круге
гончарном.*

Лишь бы кувшин этот полон был чистым рубином вина. [1, с. 118]

В переводном тексте персидский метафорический фразеологизм □ □ □ □ *'моя земля'* (о смерти; после смерти тело соединяется с землей) заменяется падежно-предложной конструкцией *после смерти*. Отсутствие оригинального эвфемического оборота утяжеляет, прозаизирует рубай.

Следующий рубай является примером того, как носителем эмотивного значения выступает «цветовая» лексика:

فوت که نیدمی ای هم نه فسان مرا ز
که نید یاقوت و تویدن چهره ی که پرده ا جو
به شوید بد مرا می چون در گد نرم به
وز جوب رزم نه که ی نایوت که نید
*О друзья, напоите меня вином
И это [мое] янтарное лицо сделайте яхонтовым.
Когда я умру, омойте меня вином,
А из виноградных лоз сделайте мне гроб.* [1, с. 82]

Слово *вино* расширяет свое значение за счет выдвижения семы *красный*. Лексемы *вино*, *яхонтовый* используются для описания настроения лирического героя, его активной энергетике. Рецепт счастья героя — жить в полную силу, поддаваться страстям, растрачивать энергию.

В случаях значительных расхождений между исходным и переводным текстом проявляется языковая личность переводчика. В то же время важно помнить, что «конечная цель переводчика в современном мире заключается в выявлении и транслировании доступными средствами национальной специфики обеих культур, т. е. в минимизации асимметрии межкультурной коммуникации» [2, с. 199].

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайям, Омар: на русском и персид. языках / сост.: Ирадж Растегар. — Тегеран, 2008.
2. Языковая личность переводчика: коллектив. моногр. / отв. ред. Л.А. Нефедова; науч. ред. М.В. Загидуллина. — Челябинск, 2011.